

Еще за Минина {*}.

{См. статьи: за Скопина No 3. 1872 г., за Пожарского No 27 и 29.}

"Гражданин", No 4, 1873

Оригинал здесь -- http://smalt.karelia.ru/~filolog/grazh/1873/22janN4.htm#_ftnref1

Въ чемъ, казалось бы, можно заподозрить или обвинить Минина? Образъ дѣйствій его такъ простъ, услуги его такъ ясны, успѣхъ такъ очевиденъ, свидѣтельства такъ согласны между собою!

Нѣтъ, г. Костомаровъ, довѣрный своему методу, умѣлъ набросить и на него тѣнь, -- чего бы вы думали, читатели? -- Плутводства, жестокости, чуть не звѣрства, взяточничества

Я сказалъ -- тѣнь; нѣтъ, не тѣнь только набрасываетъ онъ, а почти... но пусть читатели судятъ сами:

"Нѣсколько яснѣе", такъ начинается онъ свой обвинительный актъ, "представляется намъ образъ другаго знаменитаго дѣятеля конца смутной эпохи, неразлучнаго въ нашей исторіи съ Пожарскимъ -- Козьмы-Минича Сухорукаго, извѣстнаго подъ сокращеннымъ прозвищемъ Минина. Благодаря нѣкоторымъ, хотя короткимъ и отрывочнымъ, но рѣзкимъ и характернымъ признакамъ, мы можемъ хотя приблизительно, отчасти, составить себѣ представленіе объ этой личности, какъ о живомъ человѣкѣ". ("Вѣстникъ Европы" 1871. Июль, стр. 15).

Читая эти строки, невольно вспоминаешь знаменитую рѣчь Минина на нижегородской площади, блистательный подвигъ его въ Москвѣ, когда онъ, выпросивъ у Пожарскаго людей, ударилъ на гетманскій отрядъ и подвигнулъ прочихъ къ нападенію на поляковъ, которое кончилось полною побѣдою... Вѣдь вотъ признаки, самые рѣзкіе и характерные, по которымъ можно составить себѣ представленіе объ этой личности какъ о живомъ человѣкѣ! Нѣтъ, г. Костомаровъ считаетъ съ благодарностію рѣзкими и характерными признаки другаго рода. "Намъ прежде всего *"помогаетъ"*, начинается онъ, "извѣстіе о томъ какъ во время перваго собранія нижегородскаго по случаю чтенія грамоты, присланной троицкимъ архимандритомъ Діонисіемъ, Мининъ заявилъ народу, что ему были видѣнія, являлся св. Сергій..."

Чувствуете-ли, предусматриваете-ли вы, читатель, въ чемъ видитъ здѣсь себѣ *помощь* г. Костомаровъ, за что онъ выражаетъ *благодарность* извѣстію, какой пріятный для себя *признакъ* видитъ въ немъ, которому и посвящаетъ почти половину (!) своего изслѣдованія (?). Продолжаемъ изложеніе извѣстія:

"Не было тебѣ никакого видѣнія, сказалъ соперникъ его Биркинъ, какъ бы холодною водою окатившій восторженное заявленіе Козьмы Минина". "Молчи! сказалъ ему Козьма Мининъ, и тихо пригрозилъ объявить православнымъ то что знаетъ за Биркинымъ, и Биркинъ долженъ былъ замолчать."

Передавъ извѣстіе, г. Костомаровъ приступаетъ къ его разбору, и въ доказательство своего безпристрастія выражаетъ сомнѣніе въ его достовѣрности: "достоверность этого извѣстія", говоритъ онъ, "съ перваго взгляда не безъ основанія можно подвергнуть сомнѣнію".

Что-же производитъ сомнѣніе?

"Если Мининъ произнесъ свои слова Биркину тихо", говоритъ онъ, "то кто же слышалъ ихъ и какимъ образомъ они сдѣлались извѣстными и попали въ историческій (?) источникъ?"

Не правда-ли, что это очень тонкое и важное замѣчаніе, предъ которымъ нельзя не задуматься, но г. Костомаровъ еще съ большею проницательностію находитъ средство разрѣшить его въ пользу достовѣрности. "Съ другой стороны", говоритъ онъ, "разсмотрѣвши обстоятельства дѣла, мы должны будемъ признать, что это было возможно". То есть возможно было тихо произнесеннымъ словамъ сдѣлаться извѣстными и попасть въ историческій источникъ! Г. Костомаровъ придумываетъ вотъ какую хитрую догадку:

"Биркинъ", говоритъ онъ, "заявилъ свое сомнѣніе въ справедливости чудесныхъ видѣній Минина гласно; всѣ это слышали; но вслѣдъ за тѣмъ, послѣ короткаго тихаго изреченія сказаннаго ему Мининымъ, можетъ быть даже послѣ одного слова, сопровождаемаго *взглядомъ*, который Биркинъ долженъ былъ понять, это сомнѣніе уже не раздавалось. Знавшіе -- кто такой Биркинъ, или считавшіе его человѣкомъ съ предосудительными поступками, сейчасъ поняли въ чемъ тутъ дѣло; наконецъ и самъ